

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Плавающая черта

ПОВЕСТИ

Алексей Смирнов

Плавающая черта. Повести

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Плавающая черта. Повести / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740510-6

Пять повестей о добре и зле — от сюрреалистического гротеска («Водолей», «Отказ», «Ангелина») до фантастики («Сыч») и детектива («Плавающая черта»).

ISBN 978-5-44-740510-6

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Водолей	6
Часть первая.	9
1	9
2	10
3	12
4	14
5	16
Часть вторая.	18
1	18
2	20
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Плавающая черта Повести

Алексей Константинович Смирнов

Фотограф Евгений Горный

Фотограф Сергей Семкин

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Евгений Горный, фотографии, 2017

© Сергей Семкин, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-0510-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Водолей

Мельница шуршала неспешно и чинно, похожая на кретина с зашитым ртом и мерно машущего руками. Сирый двор оглашался коровьим мычанием. Скрипнула дверь, и брат Теобальд грузно затоптал по унавоженной соломе, покачивая ведром. Солнце садилось. Притормозив у коровника, он сделал ладонь козырьком и глянул на запад. Поле тянулось до горизонта, левее чернела тополиная роща. Брат Теобальд собрался отвернуться, но чуть замешкался и успел засечь всадника. Тот выехал медленно, имея перед собою куль, который издали напоминал свернутый ковер. Теобальд поставил ведро в грязь и вытер руки о власяницу, подхваченную на брюхе пеньковой веревкой. Запрокинул толстую голову так, что скрипнул загревок, и перекрестился на кирху. Коровы мычали свое. Брат Теобальд, не думая больше о них, пошел отворять ворота.

Под сапогами чавкало. Ярдах в тридцати прошагал аист, похожий на отработавшего крестьянина, который бредет к себе в хижину, глядит в борозду и на ходу отдыхает. Аист помедлил, сунулся ключом в траву. Теобальд потащил на себя тяжелую створку. Всадник приблизился, и то, что казалось ковром, уже обозначилось ясно: человек. Теобальд нетерпеливо махнул рукой, тот причмокнул и чуть прибавил ходу. Вихор его пассажира подрагивал, ноги свисали почти под прямым углом. Руки были связаны за спиной. Всадник сбросил капюшон, утерся рукавом. У него был вытянутый и совершенно голый череп; на лоб приходилась половина лица, и все, что ниже, виделось мелким, а лоб, пересеченный тремя нечистыми морщинами, напоминал длинную булку. Мало того – недоставало и подбородка; кончик носа сразу переходил в губу, много больше нижней, и эта косая линия тянулась до самого зоба.

– Тебя за смертью посылать, брат Гидеон! – крикнул Теобальд.

– Истинно речешь, – квакнул тот и ослабился.

Они ценили добрую и крепкую шутку, ибо сами были смертью, а если не ею самой, то ее орудиями, хотя считали себя жизнью, и брат Гидеон отъезжал по ее смертоносным делам. Да и привел за собой; она, привычно почувствовав себя дома, накрыла двор и постройки невидимым колоколом, и аист успел взлететь, хотя ему покамест ничто не грозило, а все вокруг неуловимо потемнело помимо сумерек, коровы притихли, и подобрался, шмыгнул под хлев шелудивый пес, и каркнуло сиреневое небо.

У толстяка Теобальда было на редкость невыразительное лицо, и внешнее бесстрашие граничило с тупостью. Обманывались все, кроме приближенных. Гидеон отлично знал о внутреннем кипении, которое сейчас одолевало Теобальда. Того выдавали мелко подрагивавшие руки – признак особого возбуждения, свидетелем коего Гидеон становился нынче уже в одиннадцатый раз. Конец был близок, и с каждым разом пламя, снедавшее Теобальда изнутри, разгоралось все жарче. Сейчас он бросился к коню, простерев руки, и это была новая вольность, избобличавшая нетерпение. До сих пор Теобальд только сопел и ждал, пока Гидеон сгрузит ношу; так было в первый раз – хотя неправда, в первый толстяк подпрыгнул от радости, ибо дело зачиналось, – но точно было во второй, и в пятый, и в девятый, и пальцы дрожали все заметнее, но в остальном Теобальд выказывал равнодушную невозмутимость.

– Что знаешь о нем? – кивнул Теобальд на бесчувственного пленника.

Он помог Гидеону переложить ношу на сравнительно чистый пятак.

– Отрада отцу и гордость гетто. Семнадцати годов, благочестив и набожен, глубок умом, исполнен беспричинной душевной радости до степени танца.

Брат Теобальд на миг утратил самообладание и потер руки. Многолетние труды, а в большей мере ожидание, подточили железный сердечник, который, несомненно, содержался внутри магистра. Об эту ось разбивались наветы и наговоры, так что без всяких последствий осталось сто пятьдесят четыре обвинения в чернокнижии и колдовстве. Теперь уж было недолго.

Нынешний пленник происходил из колена Гадова, и Гидеону предстояло лишь прошерстить детей Завулону. На том его миссия будет выполнена. Десять прочих уже внесли свою лепту в Умное Делание.

– Взяли, – скомандовал Теобальд.

Славного отрока снесли в погреб. Там было сыро и темно, как положено, и магистр зажег свечу. Пленник зашевелился и замычал, Гидеон ударил его по затылку, и тот снова затих. Брат Теобальд взял порожний кувшин, заглянул внутрь, принюхался, тщательно протер его бока ветошью. Затем пошел в дальний угол и, поднапрягшись, вынул из стены камень. Засунул руку по плечо, достал из тайника небольшую книжку, завернутую в тряпицу. При виде нее Гидеон почтительно склонился и сотворил тремя пальцами непонятный знак. После этого брат Теобальд облачился в ризу настолько ветхую и замызганную, что при последнем обыске ею пренебрегли, попросту не заметили среди разнообразного хлама, а потому не провели и дознания на предмет понашитых серебряных звезд, едва различимых от грязи.

Посреди погреба стоял верстак. Потомка Гада уложили на него ничком так, чтобы свесилась голова. Внизу был подставлен кувшин. Брат Теобальд отошел в сторонку, где старилось тележное колесо, и немного почитал книжку при свете свечи. Чтение было про себя, и Гидеон ждал, вытянувшись в струну и настроившись на Делание Меткое, которое являлось залогом Умного. Он уподобился выпи, замершей в камышах; расправил плечи, слегка запрокинул голову, и линия от зоба до подбородка продолжилась до лба, благодаря чему Гидеон выглядел в темноте чем-то вроде языческого столба с утолщениями, который поставили ради смутных и давно позабытых обрядовых целей в незапамятные времена. Брат Теобальд избрал Гидеона не только за собачью верность, но и за редкостную сноровку в кровопускании. Стояла мертвая тишина. Наконец, магистр отложил книжку и подал Гидеону длинный нож.

– Реку тебе, что явится Дитя, когда Рыбы сменятся Водолеем, – проговорил он нараспев. – И народится в обличии зрелом с мужскими и женскими признаками, дающими власть. И возымеет сей Водолей великую силу служения и принуждения, имея в себе от каждого из нас. И будучи воздухом во плоти, попрает воду, покинув ее. Вино, вода и кровь исполнятся воплощенного духа и больше уже не смогут содержать.

– О, близко ли? – заученно спросил Гидеон.

– О, много лет, но человеческих, которые суть прах и ничто, – отозвался Теобальд. – Делай метко, и пусть направит твою руку грядущий Водолей.

Гидеон едва шевельнул рукой, отворяя кровь. Та устремилась в кувшин струей тонкой, но сильной, не расплескавшись ничуть, в самую серединку отверстия. Давным-давно Теобальду открылось в предварительных бдениях, что действовать надлежало именно так, не теряя ни капли, покуда сосуд не наполнится. Ровное журчание казалось оглушительным среди безмолвия. Гидеон покрылся гусиной кожей, испытывая восторг игрока в кости, который одиннадцать раз подряд выбросил двенадцать очков. Это с ним, кстати заметить, тоже случалось нередко. Брат Теобальд почти перестал дышать, что было поразительно при его астматическом сложении. Не шелохнулся и агнец, благо Гидеон умел вывернуть удар не только ножом, но и кулаком. Когда кувшин наполнился, его забрал Теобальд, а Гидеон полоснул уже размашисто и глубоко, до шейных позвонков. В его же обязанности входило отчистить слитую кровь и присыпать место соломой.

В погребе был нижний этаж, совсем уже потайной и находившийся на значительной глубине. Брат Теобальд откинул дерюгу, раскидал землю, отворил люк. Затем взял кувшин и свечу. С ними он начал осторожно спускаться по широким ступеням.

Гидеон не допускался в хранилище. Сопровождаемое братом Теобальдом, мимо важно проплыло световое пятно, и он заметил сороконожку. Присев на корточки, Гидеон обратился к ней:

– О, славная! Пришла, не поленилась, спешила поспеть и поклониться в меру убогости твоей зачинающейся заре! Суетное создание, мелкая земная тварь, на миг возвысившаяся до горнего!

Гидеон состоял в ученичестве у магистра и привык объясняться высоким слогом, пусть даже в детстве, которое провел в коровнике, был совершенным скотом и не умел связать двух слов.

– Нечего, – сказал Гидеон, выпрямился и раздавил сентипеда, применив в темноте позвериному острый слух.

Тем временем брат Теобальд был занят тем, что заливал кувшиново рыло воском и ставил сосуд на выкрошенную в стене полку к десяти другим. Все были помечены по именам израилевых колен. Каждый содержал толику его личной крови. Когда коллекция будет собрана полностью, начнется собственно Делание и получится Клей. Так называл он будущий экстракт и закваску, где кровь смешается и образует основу для надстройки, венцом которой станет далекий, недостижимый Водолей.

Часть первая. Файерволл

1

Зоологише Гартен – редкое место, где не лютует Файерволл. В зоопарке вообще отключают многое, потому что волны беспокоят животных. Я не очень понимаю, чем это помогает, потому что контент все равно течет густо. Любое существо, где бы оно ни находилось, ежесекундно пропускает через себя многие йобибайты неощутимой информации. Даже если запретить на территории зоопарка всякую технику, отключить гаджеты и девайсы, не пускать посетителей в коконе Файерволла и в полной мере воссоздать девственную природу, то волны никуда не исчезнут. Я мог бы понять, касайся дело визуальных эффектов. Любая неподготовленная тварь моментально рехнется на той же Курфюрстендамм, которая в двух шагах. Впрочем, это не моя забота. Ученые что-то такое вычислили, сравнили и посоветовали воздерживаться. Возможно, все это бредни и отражает исключительно корпоративные войны. Мне нет до этого интереса. Я беру и пользуюсь тем, что падает в руки. В настоящем случае это шадящий режим социальных репрезентаций, который удобнее остальных для встречи с агентом.

Тише всего у бегемота. Почему – опять-таки не имею понятия. Вырубает едва ли не все по причине, наверное, его неожиданно тонкой душевной организации. Поэтому и публики и больше, а бегемот все равно нервничает. Робкая надежда на океан в капле воды: все-таки в европейцах сохранилось здоровое зерно – микроскопическое, похороненное глубоко, едва теплящийся уголек, тоскующий по свободе от вездесущего и всепроникающего информационного поля, обнесенного Файерволлом, который бывает похуже угроз и рисков – что за язык, о Родина моя – от каких защищает. И вот они, в значительной мере отключенные от адских серверов, обступают несчастного бегемота, а тот утомляется их вниманием, но сочувствует, в нем тоже скрывается это зернышко, томящееся даже не по свободе, но по воле, по моему образцу, потому что именно воли мне не хватает – степной и ковыльной, чтоб за неделю не дойти, и за две, и за десять, а не свободы вращать воображаемое колесико настройки и сортировать поток, выбирая себе внешность, возраст, пол, общественный статус и политическую ориентацию в одном пакете с сексуальной от компании «Большое Яблоко».

Коль скоро у бегемота толпа, я расположился возле фламинго. Фонит сильнее, но ненамного. Фламинго капризнее, но тоже неприхотливы.

Коза подошла через четыре минуты. Не настоящая, хотя вокруг был зоопарк, а Коза – моя связная. Сам я слился с местными не хуже, но всякий раз вздрагивал, как видел ее. Умопомрачительная натурализация. Румяное и застенчивое дитя российской средней полосы превратилось в неряшливую Брунгильду, которая не сегодня завтра ляжет под нож и сменит пол. Соломенные патлы вместо косы, остекленелый и сытый взгляд. Курносый нос покрылся мельчайшими прыщиками, второй подбородок провис бледным мешком. Шея втянулась в плечи. Талия стерлась, корпус превратился в обтекаемый монолит. Веснушчатая грудь стала чистой и похожей на шпик, натертый зубной пастой. Капельный роутер засел в ухе нечистой горошиной. Скобы на лошадиных зубах. Как они сделались лошадиными, зубы-то? И ноги. Некогда стройные, они будто вздернулись вместе с тазом, отяжелели в бедрах, а ниже колен вдруг расходились буквой «икс». Как добились такого эффекта? Я что-то слышал о боковом косметическом вытяжении. Черная куртка выше пояса, черные кожаные брюки в обтяжку, серебряные заклепки, пирсинг; запах опрелостей и пудры, дыхание пропитано уличным мясом быстрого приготовления. Черные ногти, охочие до сокровенных областей. Нашивка с Бафометом на рукаве.

Она чем-то напомнила фламинго, хотя не была ни голенаста, ни стройна. Коза уселась на скамейку и моментально встроилась в безмятежный пейзаж, исполненный удовлетворенного благополучия. Невозмутимый Дазайн с остановленным поиском.

Коза рассеянно тронула ухо, и роутер выпал в ладонь. Он пашет даже выключенным и ловит все подряд. Считается, что Файерволл не препарирует обычную речь и реагирует только на подозрительные репрезентации, которые могут угрожать системе его зеркал и облаков. Но это для обывателей. Файерволл фиксирует решительно все. Закон не запрещает вынимать и блокировать роутер, однако это не принято. Безмозглое население и не заметило, как ношение роутера сделалось правилом по умолчанию. Расхаживая без него, наталкиваешься на косые взгляды, как если бы кушал из ноздри. Впрочем, это сравнение неудачное – именно этим и занимались два раскормленных бородача, которые сидели на лавочке шагах в двадцати от нас. Слаженно, упоенно, проворно, с нешуточным аппетитом. Не иначе, семья. Но в уголках укромных и ненадолго без роутера быть не возбраняется. А в остальное время рекомендуется носить даже дома, где ты один, потому что Файерволл собирает сведения о времени пользования и отправляет куда-то – ну, мне-то было отлично известно, куда – для совершенствования обслуживания.

Я вынул свой минутой раньше. Залепил жевательной резинкой. Коза сделала то же самое. Пусть аналитики считают, что мы лепим куличи из дерьма – занятие не повсеместное, но с недавних пор вполне уважаемое.

– Тентакль мертв, – сообщила Коза.

Она не поразила меня, нет, я разучился удивляться давным-давно, зато не сумел избавиться от азарта, и оставалось надеяться, что Файерволл не уловил моего секундного возбуждения, которое само по себе не играло роли, но, будучи сопоставлено с разнообразными обстоятельствами моего здешнего бытия, могло оказаться лыком в строку для тех, кто влетает оно по роду службы.

Итак, Тентакль засветился, и это косвенно подтверждало важность его сведений. Никто не стал бы убирать его в случае сложной дезинформации, долженствовавшей загнать нас в угол.

– Где, как? – осведомился я, любуясь нелепой розовой цаплей, которая как раз подобрала ногу и принялась выкусывать под крылом.

– Неважно, – отозвалась Коза тоном небрежным и успокаивающим.

– Я не спросил, важно ли это или нет. Я задал вопрос: где и как?

Коза выдула пузырь. По-моему, она излишне вжилась в роль. Я еще в прошлую встречу заметил серебряное кольцо на лесбийском пальце.

– Его наши убрали, – сказала она.

Я снова не удивился. Значит, заслужил. Другое дело, что это не облегчило мне задачу.

2

Иной раз я думаю, что людям просто надоело жить. Не потому, что их много или их деятельность себя исчерпала, а просто наскучило. Уже не радуют несжатые полосы, леса и лиманы, не любы субтропики и пашни, березовые рощи, дубравы и вольная песня над тундрой. Не хочется ни по росе босиком, ни на балкон в исподнем, обрыдли элементарные удовольствия от сполохов и зарниц, утомили камыш и грибные дожди, забылся незатейливый космический лад.

В Тентакле не было ни героизма, ни алчности, только подвыверт, который развился с размеренной и сытой тоски.

– Псаев, – пригласил меня генерал Евгений Султанович Боев. – Собирайся на холод. Тентакль дает наводку на «Либюнгезафт».

Этот солидный спиртовой концерн имел безупречную репутацию и много лет поддерживал деловые связи с нашими посредниками. Что касалось Тентакля, то он был завербован до кучи в незапамятные времена и большую часть срока оставался спящим агентом, ибо никто не знал, к чему его применить. Щупалец много, и Тентакль относился к числу самых невостребованных. Однажды я видел его. Невзрачный до отвращения бюргер – белобрысый, в очках с почти неразличимой оправой, худой лицом и толстый брюхом, змеиные губы, строгий режим дня. Мощный автомобиль. Роутер протирался тряпочкой. Дома ждали кухен, вурст и рюмка шнапса. Лубок. Тентакль служил в бухгалтерии берлинского филиала «Либюнгезафт». Он проводил платежи, и его внимание привлекли необычные реквизиты. Тентакль проследил цепочку, которая оказалась не очень длинной и завершилась в офисе мутной компании под названием «Прецессия». Она была отлично известна нашей конторе и выступала ширмой для шпионского гнезда, которое возглавлял давнишний противник генерала Невилл Бобс.

Его неведомые покамест замыслы расстроила – я на это надеялся – немецкая педантичность, будь она неладна. Дело было в том, что «Либюнгезафт» не пользовался услугами посредников. Он всегда занимался заказчиками напрямую. Поэтому Тентакль озаботился участием в договоре промежуточной лавочки, название которой ни о чем ему не говорило. Он начал рыть и вышел на «Прецессию». Ну, а ее-то у нас знали хорошо без всяких изобличающих документов. Американская и английская разведка владели ею на паях и вечно собачились между собой. Тентакль был, очевидно, тщеславен. Но больше, сдается мне, стремился соблюсти правила: его никто ни о чем не просил, ему ничего не поручали, он был законсервирован наглухо, однако порядок есть порядок – он числился нашим сотрудником, а потому поступил по инструкции, которой и не было, он сам ее себе сочинил с пеленок, когда по расписанию опустошал витаминизированную материнскую грудь. Так или иначе, он предписал себе связь с Козой и аккуратно слил свое сообщение. Я почти видел воочию, как он после этого промокает губы салфеткой.

Генерал Боев подивился внезапному пробуждению Тентакля и организовал наблюдение на случай двойной игры. Тому даже хакнули Файерволл. Бухгалтер был светел и чист, как германские очи в предвкушении Октоберфеста. В его пустой башке с утра до вечера фонили дебильные тирольские рулады. Тогда Боев заинтересовался подрядом всерьез. Ему показалось странным то, что неприятель вмешался в поставку вин к юбилею петербургской водопроводной станции. Вина были редкие, дорогие и старые, однако партия представлялась ничтожно малой, да и сумма контракта, пусть неподъемная для обычных смертных, даже не приближалась к цифре, способной привлечь внимание государства.

Вернемся к тому, с чего начали, и отметим, что заинтересовать генерала Боева по собственному почину, когда никто об этом не просит, способен только человек, которому надоело жить. И вряд ли Тентакль расположился к депрессии и проникся невыносимостью экзистенции – он, повторюсь, наверняка грешил тайным тщеславием, но ставил превыше всего опять же порядок, о том и речь, к этому я и веду; прописанные установления, унавоженные римским правом с приоритетом личности, которые особенно укоренились в его соотечественниках, уже и несут в себе зерна неизбывной и безотчетной тоски, которая побуждает к поиску смертноносного и дикого удовольствия – массажу предстательной железы отбойными молотками, что практикуется в многочисленных европейских салонах; единополному слиянию в режиме абсолютной гигиены и противоестественной стерильности; сытой и неосознанной охоте за гибелью.

Они не понимают зоопарка, как понимаем его мы с Козой.

Они накапливают фламинго и бегемотов, не ощущая в них неистовой воли. Мы же сливаемся с зоопарком. Мы чувствуем плен. Нам хочется угостить фламинго печеной картошкой и затянуть ковыльную песню. Мы посидим еще немного, почти свободные от вездесущего Файерволла, и вернемся работать в Берлин.

– Тентакль не перекрыл Файерволл, – сказала Коза. – То есть заблокировал, но сохранил настройку, которая плюсовала ему ипотечную скидку. «Прецессия» отследила контакт

и начала копать. Наши решили убить двух зайцев: ликвидировать слабое звено и выставить сильного живца.

– То есть меня. Как он умер?

– Пошел по уличной рекламе омолаживания кишечника. Агрессивная версия на проезжей части. Попал под колеса.

Нам перекрыла обзор школьная экскурсия. ТUTORша с лицом таким травоядным, что хоть сейчас ее в вольер, дунула в свисток. Разноцветная детвора оцепенела. Непростая вещица, закольцованная на премоторную кору. ТUTORша начала громко разглагольствовать о долбоносных клювах и розовых перьях. Я притворно потянулся и встал. Коза лениво поднялась тоже и сделала смайлик в его жестикулярном варианте. Он означал принципиальную готовность к садо-мазо, но только после клистира и не сию секунду. Я обозначил ответное предпочтение полигендерной связи с уклоном в инструментальный зондаж.

Мы встретились двуполыми, как в старину. Вечные ценности натуральности под распевный шепот Родины о том, что против лома приема нет. Файерволл не сегодня завтра научится расшифровывать мысли, но он в спящем режиме он практически бессилён и бесполезен против живого общения. Можно задумать хитроумное убийство в старинном особняке, а можно треснуть кирпичом в подворотне. Многолетняя подготовка и личный опыт показывали, что второе намного действеннее.

Ликвидация Тентакля облегчила мне задачу. Теперь не придется выдумывать причину малопонятного внимания журналиста-международника к ничтожному бухгалтеру «Либюнге-зафт». Была и ложка дегтя, меня огорчила Коза. Она слишком долго работала под прикрытием. Я проводил ее взглядом и содрогнулся, отметив шарнирную походку, поддержанный к покатым плечам блестящий зад и стилизованную пентаграмму между лопаток. Я помнил ее стажеркой в ситцевом платье и русыми косичками, она смотрела мне в рот и кормила домашними бутербродами, когда мы засиживались в кабинете допоздна, а я обучал ее практическим нюансам тотального внедрения.

Под шелест каштанов и лип я направился к выходу. Огни Файерволла уже сверкали вдали. У бегемота я задержался, потому что впервые приметил у него в ухе каплевидный наушник.

Потом прокатал билет, подключился и шагнул в преисподнюю.

3

«Файерволл» переводится как Пламенная Стена или Огневой Заслон. Раньше он такой и являлся в иносказательном смысле, представляя собой противовирусный барьер. Однако со временем Файерволл раздулся настолько, что стало проще не устанавливать его в операционную систему, а поступать наоборот и встраивать саму систему в Файерволл. Он и так отзывался на каждый чих, перекрывая инфекции кислород, а после этого получил возможность не только запрещать, но и создавать. Обогатившись полномочиями верховного существа, Файерволл засучил рукава и начал выдавать полезный, по его мнению, и безопасный контент. Лично меня как носителя русского языка всегда коробило от этого слова. Мне хотелось заменить его «содержанием». Но дело дошло до того, что содержание как объект стало неотличимым от содержания как субъекта, и ненавистный «контент» превратился в синоним окружающей действительности. Простым примером выступает, допустим, автобус, который невозможно отличить от его же рекламы, пока не сунешься на место возле окна. Можно пройти насквозь; можно расшибить лоб, если реклама особо защищена авторскими правами; можно заработать штраф за воспрепятствование свободной коммерции, а иногда удается и сесть, и даже доехать до нужного места. То, что это была продуманная реклама с инфраструктурным сопровождением, выясняется по прибытии, когда оказывается, что ты никуда не уезжал

и потерял полчаса, глаза на этот херов автобус. Худшее, что может произойти – подозрение в том, что ты сам являешься вирусом и атакуешь чужую интеллектуальную собственность.

Меня атаковали мгновенно и по периметру. Да, я скорее квадратный, чем обтекаемый. Кажется, что я свалился в оркестровую яму, где засел все тот же Цоологише Гартен в полном составе, но выдрессированный и обученный игре на всем, что попадет под руку. Неистовые рев и визг, речитативы, камлания, сводки погоды и призывы отвесть, пригубить, прокатиться, купить, вложить и занять, но главное – надстроить мужской репродуктивный аппарат, нарастить его, увеличить в объеме, оснастить волдырями и щупами с биологической обратной связью, обезопасить его неощутимой перерезкой семенников, приспособить наверху к выпуклости простаты, раскрасить и обогатить вкусовой гаммой, обработать в мгновение ока до космической стерильности и оборудовать сменными насадками и суппозиториями. Как только Файерволл захватил господствующие высоты в виртуальном пространстве, он выделил первоочередное, самое важное направление деятельности и не ошибся. Если фаллический контент был молотом, то наковальней выступали предложения, касавшиеся вместилища, и мой рассудок изнемогал между этими демонами. Соблазнов было не счесть: растянуть и прочистить не перечислю чем, отбелить добела, вставить кольца, посетить курсы по развитию мышц промежности и волевого контроля над кишечником, купить ароматизаторы экскрементов, приобрести драгоценные пробки с виброэффектом. Я задал в настройках мужской пол, хотя Файерволл настойчиво предлагал мне выбрать промежуточный вариант, обещавший особые бонусы и бесплатные игры, но я позакрывал эти окна, отвергнув уже подступивший со всех сторон преображенный мир. Конечно, советы сменить половой аппарат продолжали сыпаться градом, но дело хоть не звучало решенным. Не знаю, с какими соблазнами боролась Коза. И сколь успешно. По мне, так она выдыхалась. Очевидно, ей предлагали нечто замысловатое, потому что straponы она освоила еще на родине, когда овладевала основами ведения допроса.

Конечно, за годы работы на холоде я привык. Пресловутый автобус врезался в меня, как только я миновал турникет. Он чинно проехал сквозь мое туловище, успев за секунду поставить меня в известность о существовании новейшего экономного двигателя «Фатерколбен», машинного масла «Нихтурфройде», системы навигации «Дранг» и почему-то – кремowego пирожного «Мастигшайде». Но дальше мне пришлось подключить персональный «Дурхгеен», который есть датчик-маячок, позволяющий отличить фантом от реальности. Черепная коробка слегка разогрелась от окружающего вайфая, пропуская несметные йобибайты и провоцируя на русский язык, сколько блоков не выстави; ты можешь думать по-немецки и видеть немецкие сны, но поминаешь мать неизменно по-русски. К счастью, безупречное знание русского вписано в мой штриховой код. Конечно, нагревание коробки было иллюзией. Черепушку не напечет, сколько через нее ни пропустишь. С этим я тоже не мог ничего поделать – мелкий психологический дефект. Спасибо, что я не бредил взрывом мозгов. Итак, я включил проводник, и мне моментально стало ясно, что мороженщик на углу генерировался со спутника, а голый мужчина с оловянным «туннелем» в заднице был живее живых, ибо разнузданно бесновался в потоке равнодушных прохожих, предлагая им удовольствие понятное, но многократно доработанное и широко не изведенное.

Я зашагал по Курфюрстендамм. Без маяка, да непривычному человеку тут было бы не сделать ни шагу. Репрезентации не оставили ни единого свободного пятячка. Я рассекал не гущу образов, но уже собственно среду, которую они создали. Пронзал собою небоскребы и тренажерные залы, проникал сквозь бесчисленные продукты питания и сексуальные аксессуары, усваивал тысячи трейлеров и промороликов. Меня подмывало грести, как если бы я переплывал кролем разноцветное море, полное спрутов, медуз, акул и раздувшихся утопленников. Итак, Тентакль заинтересовался подрядом «Прецессии», слил сведения и засветился. Хотелось верить, что он не вел двойную игру. Так или иначе, «Прецессия» засекала наш интерес к ее шашням со спиртовым концерном, и это было единственным, в чем я не сомневался. Если

Тентакль не состоял в ее штате и работал только на нас, то «Прецессия» попытается выяснить, что нам известно о причинах ее необычного интереса к заурядным поставкам. Если состоял, то она уже знала: ничего. Мы пребывали в крошечных потемках. Допустим, я проявлю интерес к несчастному случаю и тем обозначусь. «Прецессия» может предоставить мне полную свободу действий, сидеть на жопе ровно и злорадно за мной наблюдать. Но если ей неизвестна глубина нашей неосведомленности, она уцепится за меня и пойдет на контакт. Конечно, это возможно при любом раскладе, но будут заданы вопросы, и я пойму, чего ей понадобилось – выяснить, сколько я знаю, или просто принять в разработку нового, не в меру любопытного человека. Хотелось верить, что там понятия не имели, кто я такой. Что я столкнусь не с убежденностью, а с подозрениями. Мы никогда не общались с Тентаклем, и он не мог меня сдать. Он вообще не знал о моем существовании.

Я подозвал такси, машинально блокировав сотню бродячих реклам, которые метнулись на мой жест, размахивая ароматизированными фаллоимитаторами. Одновременно я прощупал настройки роутера, согласно которым находился в Берлине под видом сотрудника виртуальной газеты «Дас Мордерише Фрайцайт» – «Убийственный Досуг». Это было желто-коричневое издание с гиеной на первой странице, собиравшее падаль и кормившее читателей хроникой разнообразных несчастий. Его благословил лично Боев, и газета процветала уже несколько лет, крышуя нашего брата. Отследить в виртуальном пространстве ее подлинных учредителей было практически невозможно.

Турок-таксист обернулся ко мне и осклабился. Его, разумеется, не было за рулем, как и вообще никого, такси разъезжало самостоятельно, но под давлением мигрантов Бундесрат и Бундестаг выделили магометанам солидную квоту в рекламной репрезентации. Фантом залопотал на ломаном немецком, предлагая мне девочек, мальчиков и кого-то еще – по-моему, лань. Понять его было невозможно.

– Лос, – буднично скомандовал я.

Машина врезалась в гущу себе подобных, и я прикрыл глаза. Тоже призраки, но очень убедительная иллюзия. От этого тошнило даже местных, и все автомобили были оборудованы одноразовыми пакетами. Те, которые подешевле – многоразовыми.

Но стоило мне смежить веки, как явился тарантул.

4

Тарантул символизировал вирусную атаку.

Почему-то он был с бородой и похожим на медведя. Восемь ног, хищная рожа, звериный оскал и котелок для приличия, чтобы никто не придрался к намеку на нашего брата. Негласно считалось, что все беды идут от нас. Компьютерными диверсиями занималось ведомство генерала Зазора, и Боев не раз повторял с его слов, что размах отечественного вмешательства сильно преувеличен и неча на зеркало пенять. На зеркало я и вышел, воспарив над тарантулом, после чего щелчком отправил его в карантин. Образы были умственными, а не зрительными, потому что Файерволл чрезвычайно серьезно относился к покушениям на себя и навязал тому же Бундестагу закон, по которому имел в таких особенных случаях вторгаться в мозговую деятельность.

Как будто в иных ему требовалось особое разрешение.

Паук исчез, но Файерволл не угомонился. Он уведомил меня в том, что угроза не ликвидирована до конца и предписал поскорее посетить ближайший пункт неотложной профилактики.

Это было странно. Я поймал себя на том, что сосу большой палец. Вот это была поистине омерзительная привычка, которую я подцепил на холоде, когда переборщил с натурализацией. На родине не сосут пальцы, какой бы тяжелой ни оказалась минута. Ни разу не видел. Запад-

ная наука объясняет это паскудство защитной регрессией к фазе, когда мир познавался ротовым отверстием. Здоровый дядя с мохнатым пивным животом и прелым пахом преобразуется в беспомощного малыша и начинает сосать, и глазки у него в кучку, и брови туда же, и весь он обиженно, дескать, нахохлится, заслуживая безусловного гуманизма и развода на сорок сессий щадящего психоанализа. Но для меня сосательный акт обременен неприемлемыми коннотациями. Я, повторяю, не встречал в моем отечестве ни одного человека, пусть даже самого жалкого, который перед лицом неприятностей пустился бы что-то сосать по собственному почину, без понуждения со стороны, когда никто не предлагает – а в этом обычно, буквально или фигурально, и заключается надвинувшаяся беда. Что происходит с нашим гражданином в минуту острого испуга? Совершенно верно. И это уже следующая фаза. Мы тоже регрессируем, но никогда не опускаемся до сосания и в некотором смысле даем сдачи даже в состоянии вынужденного ребячества.

Выплюнув палец, я с отвращением вытер его о мешковатые штаны. Турок беззаботно рулил и напевал что-то козлиное без начала и конца. Вдали уже обозначилась стальная башня концертна «Либюнгезафт». Над ней проплывали сотни воздушных шаров и маленьких геликоптеров, настоящих и мнимых. Со всех изливались радужные дуги, содержавшие рекламные сообщения.

– Внимание! – зычно произнес Файерволл, и у меня завибрировала черепная коробка. – Вы инфицированы вредоносной программой и представляете угрозу общественной безопасности. Необходимо немедленно...

Отключать подобные сообщения было запрещено, тем более после прослушивания. Но я мгновенно понял, о чем пойдет речь, и заблокировал уведомление при первом звуке, симулируя сбой настройки. Я не был настолько наивен, чтобы подумать о заурядном заражении. Похоже на то, что «Прецессия» решила на третий путь, отказавшись как от тактики благородного неведения, так и от бережного сближения и зондирования. Врезала мигом. Даже при мертвом Тентакле мое появление в «Либюнгезафте» было слишком нежелательным. Оставалось понять, в каком качестве – журналиста или того, кем я был в действительности. Если последнее, то мне решительно не удавалось сообразить, как они на меня вышли.

Турок ударил по тормозам и резко повернулся ко мне.

– Администрация Файерволла, – назвался он уже без акцента.

Разве только с баварским. Невероятно, но этот гад был настоящим, из мяса и костей. Последним не повезло, как только он навел на меня пистолет. Они сломались. Сначала хрустнула запястье, а следом – череп. Пистолет, коли пошли такие дела, тоже был не игрушечный, и рукоятка наполовину вошла шоферу в мозг. Одновременно я толкнул его на рулевое колесо автопилота, чтобы не измазаться в крови. Поверить ему мне даже в голову не пришло. Файерволл располагал нешуточной службой безопасности, но я не припоминал случая, чтобы ее сотрудники наводили на инфицированных стволы. Но удивил меня и Невилл Бобс. Такая засада была фантастическим хамством. Британцы никогда не действовали так грубо – да что британцы! никто себе этого не позволял, даже мы. Евгений Султанович Боев не любил церемониться, говоря между нами, а он проходил по ведомству обходительных и даже вежливых людей; другие были намного грубее, о генералах Медовике и Точняке вообще гуляли непристойные анекдоты, но даже им не пришло бы в голову натравить на крупного специалиста водителя-турка с дешевым пистолетом, который можно купить в любой лавке.

Впрочем, акцент. Никакой он не турок.

Мне было некогда размышлять. Я вывалился из такси под ноги гигантскому бродячему фаллосу и поспешил к башне, не обращая внимания на его укоризненные и горестные призывы.

5

– Хай?... – приветливо спело бесполое брючное существо.

«Хайль», – подумал я мрачно, и Файерволл тревожно звякнул. Похоже, убили настройки. Он собирался куковать на все подряд с проверкой спеллинга.

– Добрый день, – поклонился я. – Дас Мордерише Фрайцайт. Нельзя ли увидаться с герром менеджером по персоналу?

– На какое время вам назначено?

– Милочка, – рискнул я. – Мое издание...

– Кумпель, – помрачнело существо и повело носом, как будто очутилось в обезьяньем питомнике.

На здоровье, пусть называется милком.

При желании оно могло донести на меня и обвинить в дискриминирующем харрасменте. Я поспешил выложить козырь: универсальный пропуск. Он наделял меня правом посетить не только спиртовой, но и вообще любой концерт, включая оборонный. Я применял его в крайних случаях. Сейчас был подходящий, потому что помехи подозрительно множились.

При виде пропуска существо смешалось и предпочло не возмущаться. Не выходя из-за стойки, оно нашарило кнопку. Я с напускным безразличием осматривался, повторяясь в бесчисленных зеркалах среди нагромождения стекла и кафеля вперемешку с античными статуями и персидскими коврами. Красное дерево соседствовало с офисной сталью, фламандские полотна чередовались с фекальными инсталляциями и проволочными конструкциями.

Передо мной выросли одинаковые дрищи.

– Тотор, – осклабился первый.

– Коуч, – расцвел второй.

Отутюженные, выщипанные, в белых рубашках с коротким рукавом и ленточных галстуках. Впрочем, на правом были спортивные брюки. «Выражайтесь по-русски, – пронеслось в голове. – Наставник и тренер».

– Мне бы навигатора, – сказал я вслух. – А лучше, повторяю, менеджера по персоналу.

Тотор негромко ударил в ладоши. Коуч принялся жонглировать белоснежной баночкой вазелина.

– Сначала мозговой штурм. Это обязательная процедура при первом посещении.

Я не понимал, что происходит. Надо мной откровенно глумились и приглашали к действию, которого мне удавалось избегать многие годы разведывательной деятельности.

– Могу и не посещать, – ответил я вежливо. – Давайте побеседуем здесь. Я веду раздел криминальной хроники и собираюсь написать о трагической кончине вашего бухгалтера.

Баночка мелькала, и я, околдованный ее прыжками, едва не уточнил: Тентакля. В концерне его знали под именем, которое ему дали приемные отцы. Мне же было известно еще и третье, полученное в нашем детдоме до усыновления в Европу.

Раскрывая карты, я сознательно шел на риск. Таким и было мое намерение: обозначиться и выманить на себя заинтересованных лиц. Но я не собирался терпеть прелюдию в исполнении Тотора и Коуча. В известном смысле меня оскорбили. С моим послужным списком могли бы и пренебречь своими германскими пролегоменами. Допустим, о списке они ничего не знали и считали меня акулой пера – я на это надеялся – но повод к визиту оставался мутным. Я рассчитывал насторожить лицо полномочное, а от него потом уже и танцевать пускай под баночку, не в первый раз, нас к этому усиленно готовили в секторе полостных воздействий. Но эти клоуны...

– Непорядок, майн герр, – нагло возразил Тотор.

Тут до меня дошло, что никакие они не сотрудники из отдела встреч и проводов.

– Вы инфицированы! – загремел в ушах Файерволл.

Нет, не в ушах. Это разлилось по вестибюлю из потайных динамиков. И я с перепугу ошибся в залого: не меня инфицировали, я сам был инфекцией. Файерволл поразмыслил и причислил меня к вирусам, а это было хуже шпионажа.

Настолько чудовищно, что я имел право взорваться без риска разоблачения.

– Обалдели? – заорал я. – Пощупайте!

Коуч издевательски ткнул меня пальцем в плечо.

– Сенсорный интерфейс, – похвалил он с наигранным удивлением.

Тутор принялся и покачал головой:

– Даже потеет!

Они не бредили. Такая программа действительно существовала, и при желании можно было создать образ, неотличимый от предмета не только для человеческого, но и для аппаратного восприятия. Но ею пользовались только первые лица государств, когда дела требовали их присутствия сразу во многих местах, а также из соображений безопасности. Такие двойники были гораздо лучше живых. В остальных отраслях эти фокусы находились под строжайшим запретом. Ими не занимались даже в разведке, даже мы. Вскройся подобное, карательные возможности Файерволла становились поистине безграничными.

– Послушайте, меня направили...

– Не туда, – вмешалась новая фигура.

По лестнице, застланной ворсистым ковром, лениво спустился человек в форме. Черный мундир, ослепительные сапоги, фуражка с высокой тульей, нарукавная повязка с символом Файерволла и легкий запах псины. При общей элегантности – совершенный слон сложением и рожей. Узколобый. Обманчиво дегенеративное выражение и крохотные цепкие глазки.

– Ваш аккаунт заблокирован, герр Биркен, – квакнула эта свинья. – Встаньте к стене.

Я решил не перечить.

– Которая настоящая?

– Не придуривайтесь. Лицом к стене.

Существо с ресепшена уже суетилось рядом и тянуло какой-то шнур. Тутор и Коуч смешили вазелин на огнестрельное оружие.

Если Тентакля еще не сожгли, то хорошо бы ему повертеться в печке. Он сдуру наткнулся на нечто настолько важное, что даже Боев проявил простительную беспечность. Сюда не следовало соваться живьем.

Тут меня отключили от Файерволла, и я перешел на секунду в чистый Дазайн, а после вырубился совсем.

Часть вторая. Гестапо и Лазарет

1

Страшны не темные вечера, а ясные утра, когда очнешься и начинаешь при свете солнца смотреть и вспоминать, чего больше нет, а было. Еще не сошла роса, чирикают воробьи, подрагивает ковер теней и солнечных пятен, фырчит поливалка или шуршат грибные дожди – мирные, трогательные шумы. Но ты припоминаешь многие и многие пробуждения, до самых давних, и вот уже эти звуки не радуют, потому что не пропитывают прелестью настоящего, а оживляют былое, которое ушло навсегда. Ты думаешь о времени, когда прислушивался к шелесту клена и в голове было пусто; ты не догадывался о грядущем и не имел повода ни к частным сожалениям, ни к ностальгии вообще.

Кому же особенно повезет, тот затоскует даже по этой тоске. Сентиментальность усложнится до собственной производной. Ты обругаешь себя в выражениях горьких и крепких, когда проснешься на голой шконке, которая крепится к стене в помещении два на четыре шага, и вместо шаловливой светотени увидишь казенный толчок без крышки и намордник крохотного окна.

В каком же аккаунте я наследил? Или дело не в этом? Я даже не успел ознакомиться с подрядом, который был заключен концерном «Либюнгезафт» при неожиданном участии «Прецессии». Мне было известно только, что речь шла о поставке в Санкт-Петербург небольшой партии коллекционных вин для празднования юбилея водопроводной станции.

Я огляделся. Камера слежения засела в правом верхнем углу. Может быть, не только слежения, но и наведения. Внезапно я осознал мертвящую тишину – нет, не тюремную, которая была вполне ожидаемой, а внутреннюю. Меня отрезали от Файерволла. Роутеры отбирают вместе со шнурами, это понятно, но Файерволл и помимо роутера не дремлет; он считывает биологические показатели на удалении, бесконтактно оценивает эмоциональный настрой, рассылает волны терпимости и делает многие другие вещи, которые перестаешь замечать уже через неделю жизни за рубежом, а их урезывание возможно в считанных охраняемых зонах вроде зоопарка. Я привык к тому, что в моей башке постоянно копались. Сейчас туда никто не лез. В иных обстоятельствах тишина была бы блаженной. Скорее всего, волновая деятельность продолжалась, но ее сократили до минимальной фоновой. Я был не настолько наивен, чтобы поверить в полное экранирование. Камера в эпоху Файерволла казалась реликтом, потому что видеонаблюдение давно велось способами более тонкими.

Помещение выглядело стерильным. Толчок, умывальник, откидная койка, забранное ставнем окно. Световой потолок. Гладкая дверь без глазка. Коротко, словно в лифте, кликнул электронный замок, и она распахнулась.

Вошел человек, который навсегда останется для меня Папашей Бородавочником, хотя у него были имя, фамилия, звание и даже добавка «фон». Он сам назвался именно так, располагая меня прозвищем совсем уже к демьяновой ухе расслабленности, добродушия, смирения и панибратства. Дородный приземистый бургер в домашних брюках и замшевой курточке поверх подтяжек. Карман ему что-то оттягивало. Туфли, однако, были из кожи, которая в лучшие времена образовывала крайнюю плоть кита. Не приходилось сомневаться и в натуральности пивного брюха. Бородавочником он назывался по праву вдвойне, напоминая рожей хряка и будучи украшен пятью не бородавками даже – наростами, по два на брылах, и последний сидел во лбу левее от центра на пару его же пальцев, которые смахивали даже не на классические сардельки – кусманы толстой свиной колбасы.

Пошарив глазками, как будто впервые был здесь, Папаша сел на толчок.

– Как поживаете, господин Биркен? – спросил он деловито. – Успели обжиться?

– Вам предстоит серьезнейшие неприятности, – отозвался я.

– Да бросьте, – крикнул он и отмахнулся. – Кто мне что сделает? Неужели мой вид не убеждает вас, что я вам и канцлер, и кайзер, и фюрер, и все мировое правительство? Давайте останемся деловыми людьми, Биркен. Если, конечно, вы живой человек.

– Если вы мне уступите горшок, я готов доказать.

Он так расхохотался, что я на миг почувствовал себя Чаплиным. Пришлось пару минут подождать.

– Лучше назовите мне вашу гендерную идентичность, – попросил он наконец, утирая слезы.

– Теперь уже вы отличились. Файерволл считал ее на подступах к зданию.

– То-то и оно, что не считал. Назовите, это в ваших же интересах.

Я пожал плечами.

– Извольте. Либерал-натурал с активным садо-бисексуальным радикалом и латентным трансгендерным комплексом.

Папаша Бородавочник помолчал. Потом поморщился и потер загривок.

– Ломит, как погода меняется, – пожаловался он.

– Может, приляжете?

Папаша взглянул на меня исподлобья. Затем неуклюже поднялся на ноги. Рыгнул, обдав меня приторным ароматом венских пирожных. Я решил, что он и правда вытянется на тюремной шконке, но Папаша полез в карман и вынул огромные примитивные клещи.

Проворству Папаши могли позавидовать гепард и хамелеон. Дикость заточения в том, что сдачи не дать. Я мужчина довольно видный, какой бы мне гендер ни записали: плечи Атланта, одежда лопается, пудовые кулаки. Челюстью можно убить. Грудь такая, что орденская планка потеряется, хотя нам не положено не то что носить, но даже хранить ордена. И вот на меня наскакивает сущий кабан, а я не могу прихватить его за щеки и разорвать рыло. То есть можно, иные так и делали, но удовольствие бывало недолгим, а почести – посмертными. Абсурдное положение: Папаша распластал меня на лежаке и захватил клещами средний палец, который длиннее, а я не возражал и позволял непристойности нарастать. Сцена становилась все более интимной.

С Папаши Бородавочника закапала сахарная слюна.

– Биркен! – хрипел он. – Биркен!..

Палец хрустнул, и я завопил благим матом. Отпустил вожжи. Всякой кротости существует предел. Папаша осклабился и выполнил клещами поворот. Я немного подумал, не обмочиться ли в доказательство моей человечности, и решил повременить. Папаша сполз с меня, тяжело дыша.

– Давайте договоримся, Биркен, – просипел он. – Вы прекращаете морочить мне голову сказками о газетах и внимании к рядовому бухгалтеру. Вместо этого объясняете ваш интерес к не менее заурядному винному подряду. За дураков нас держите? Контакт зафиксирован, участник погибает, дальше приходите вы. Куда понятнее?

Вызывать на себя огонь и быть наживкой почетно, однако обидно. Боев превратил меня в разменную монету и не ошибся. Хорошо бы монете не сделаться расходным материалом. Я оставался в потемках и не знал, чего от меня хотели на родине. Возможно, мне следовало поддаться и перевербоваться, чтобы расследовать это винное дело изнутри. Это было просто, но оставался риск недооценить противника, который начнет гнать дезу. Труднее же было упрячиться и стоять на своем, выпытывая сведения исподволь. Я не искал легких путей.

– Конечно, за дураков, – отозвался я и пососал искалеченный палец, оправдывая гнусную привычку неукротимой болью. – Зачем вы напали на меня в такси?

– В такси? – Папаша Бородавочник искренне удивился. – Мы этого не делали. Впрочем, отложим такси. Я правильно понял, что вы признаетесь?

– В чем? Сказано вам, что я журналист.

Гестаповец издал старческий вздох, где уместилось все: больная поясница и аденома простаты, мое упрямство, ностальгия по шлему с остроконечным шишаком, общая нехватка антиквариата в функциональные времена, надоевшая служба и предчувствие вечного покоя на аккуратном альпийском погосте. Он вынул электронный ключ, навел на дверь, и та отомкнулась.

– Идемте, постоим на пороге, – пригласил Папаша. – Сейчас вашего недруга поведут на парашу. Мы держим его в камере без удобств, – добавил он многозначительно.

Прикидывая шансы огреть его по башке и сбежать, я сполз со шконки и добрел до порога. Папаша Бородавочник с загадочным видом доброго дедушки привалился к косяку.

– Какого недруга? – спросил я. – Шофера? Таксиста?

Тот, если выжил, ходил под себя.

– Нет, не шофера, – возразила эта сволочь. – Повторяю: мне неизвестно, о чем вы бредите. Смотрите внимательнее.

Тюремный коридор был разительно не похож на мою стерильную камеру. Он словно застрял во времени лет на сто и совершенно не отличался от прочих, себе подобных: кованое железо, мертвящее освещение, грубая отделка дверей листовой сталью, которая была выкрашена в навозный цвет; каменный пол, дюжие молодцы вдалеке, застывшие с руками за спину и расставленными ногами. Послышалось немощное шарканье. Я глянул направо и оцепенел.

По коридору плелось жалкое, сломленное, окровавленное существо в полосатой робе. Его сопровождал юный дегенерат в форме без знаков различия. Лицо существа превратилось в вишневый пирог, на котором посидел тяжелоатлет. Но мне не составило труда узнать сэра Невилла Бобса.

2

Пока я провожал взглядом это скорбное шествие, Папаша Бородавочник не дышал и жадно за мной наблюдал. Проходя мимо нас, Невилл Бобс покосился в мою сторону, и пирог жалобно затрясся. Мне стоило немалого труда остаться бесстрастным, я был глубоко потрясен, ибо если бывают лубочные британские джентльмены, то Бобс относился именно к ним: питался овсянкой, содержал дворецкого, курил сигары и трубки, любил посидеть у камина со старинным фолиантом на пюпитре, которого так и не открывал, и отличался удивительной спесью. Я знал, что у него был пробковый шлем для охоты на слонов, крокодилов, тигров и русских разведчиков, которых он причислял к опасным хищникам и находил в их преследовании спортивное удовольствие.

Папаша втянул меня в камеру и захлопнул дверь.

– Полагаю, что этот господин немного изменился с вашей последней встречи, но все равно узнаваем, – заметил он.

– Впервые вижу, – возразил я равнодушно.

– Лишний раз подтверждает, что вы не человек, Биркен, – парировал Папаша. – Даже у меня сердце обливается кровью.

– Это сок, – сказал я. – Выделяется при жарке на гриле.

Тот полез за клещами.

– Да перестаньте же! – Теперь я повысил голос. – На кой мне сдалось ваше вино? О винном подряде я тоже впервые слышу. Допустим, вы правы, и я не человек, а вредоносное программное обеспечение с сенсорным интерфейсом. Кому и зачем мудрить ради какого-то вина?

– Вот вы мне и растолкуйте, – подхватил Папаша.

– Кому? Вы даже не назвали и сразу начали ломать руки. Кого вы представляете? Бундеснахрихтендинст? Полицию? Или службу безопасности «Либюнгецафт»?

Я не выгадывал время, мне искренне хотелось это выяснить. Конечно, Бобса могли загри-мировать и провести мимо меня специально, но я так не считал. Если британцы не при чем... Нет, этого не могло быть. Активное внимание «Прецессии» к винной сделке не подлежало сомнению. Впрочем, чему оно мешало? Наоборот, оно все объясняло. Невилл Бобс проявил к концерну такой же интерес, как и мы. Результат был налицо, прошу прощения за калам-бур. Более того: он проявил его первым и сделал «Прецессию» посредницей в договоре, а мы уже подтянулись после, отреагировав на его контору, тогда как правильнее было обратить при-стальное внимание на сам концерн. Тогда понятно, почему Бобс находился в заточении дольше меня и успел в полной мере познать гостеприимство Папаша. Он пострадал за нашу общую озабоченность. Наши страны были на грани нового союза против старинного и заклятого врага.

Папаша выстрелил из главного калибра.

– Не все ли вам равно, господин Псаев? – спросил он.

И наслаждался эффектом.

Не стану скрывать, что броня дала трещину. Отрицать мое имя, коль скоро оно прозвучало, было глупо, если только не прибегать к изворотливости высочайшего уровня. Откуда, кто? Ответ был очевиден: снова Невилл Бобс. Я не стал прибегать к изворотливости, потому что пока не придумал, как это сделать. А заодно и повел себя глупо.

– Вы перегрелись, – сказал я Папаше.

Тогда он нанес второй удар:

– Пока еще нет, но ваша партнерша, безусловно, весьма горячая фройляйн.

Ему хотелось ввергнуть меня в панику, и он своего добился. Ответ перестал быть очевидным, благо приложилась Коза. Я вспомнил, какой она стала, и содрогнулся. Неужели не Бобс?

Папаша явно читал мои мысли и даже закурлыкал. Казалось, что у него в груди закипела рулька, которую варили в пиве. Но дальше он выкинул номер дикий и неожиданный: встал на одно колено, вынул клещи и благоговейно поцеловал их. Затем повторил свое печное крях-тение, поднялся, сумрачно потоптался и шагнул к выходу. Я сел, растерянный и оглушенный. Этот дурной ритуал не добавил ясности. Может быть, то был искренний порыв. Может быть, некий намек на традицию, за которой стояла сила, пока не известная мне.

– Кстати, о такси, – Папаша остановился в дверях. – До меня не сразу дошло, но вы, наверно, имеете в виду приятеля фройляйн? Вы знаете, дружище, а ведь у меня диабет. Стенки сосудов изменяются, мозг умирает... Точно же! – Он ликующе всплеснул руками. – Нам доложили о трупе таксиста возле концерна. Одновременно Файерволл отметил полное прекраще-ние контакта вашей подружки с неустановленным подручным. Все под Богом ходим!

Качая головой, он вышел.

Я не ответил ему ни звуком и пребывал в полном смятении чувств. Камера исправно фиксировала выражение моего лица, но мне было на нее наплевать. Любой человек, оказав-шийся в моем положении, пришел бы в крайнее расстройство. Оно могло в какой-то мере сослужить мне добрую службу и показать, что никакой я не железобетонный Псаев, а только березовый Биркен, который если и вытерпел манипуляции с пальцем, то исключительно из-за врожденной крепости германского характера, да еще дисциплины. Триумф воли как буднич-ный подвиг и естественная реакция на все подряд.

Но я немедленно поверил Папаше. Конечно, это была Коза. Милая Коза! Она спасала меня. Она посадила мне вирус, чтобы Файерволл не пропускал меня в концерн и мариновал в карантине. Не доверяя системе и зная мой необузданный нрав, она подстраховалась и натра-вила на меня таксиста. Не знаю, кем был этот турок – скорее всего, мелким и неосведомленным уличным агентом, завербованным за гроши. Коза была ограничена в средствах, когда действо-вала самостоятельно. Она поняла, что Боев подставил меня и отдал на растерзание, провоци-

руя «Прецессию» и «Либюнгезафт». Нарушила присягу и совершила топорный акт деятельной измены, пытаясь вывести меня из игры. Лишь бы я не вошел в эти проклятые двери! Но ни Коза, ни даже Боев не догадывались, что они столкнулись с чем-то по-настоящему серьезным. Евгений Султанович вообще бесился вслепую, рассылая громы и молнии; он не только не видел противника, но даже понятия не имел, кто тот такой. Грешно наговаривать на руководство, но это был его излюбленный метод внешней и внутренней разведки.

Однако я не поверил Папаше в том пункте, что Коза меня и сдала. Старый болван! И правда пора ему подлечить диабет. Этот унтерменш проболтался. Что-то одно: либо спасти меня от концерна, либо разоблачать как Псаева! Конечно, Папаша мог бы мне возразить, что против его клещей еще не найдена управа, но он плохо знал Козу. Генерал Боев лично повышал ей болевой порог. На это ушло четыре месяца, а потом еще восемь на инструктаж, который был испытанием пострашнее.

Тем не менее он считал меня именно Псаевым. Значит, все-таки Бобс. Но сэр Невилл мог болтать все, что ему вздумается. Он знал о моем существовании и, вероятно, предвидел мое появление, однако ни одна живая душа на свете не сумела бы опознать Псаева в герре Биркене. Голословные предположения, допрос на уровне позапрошлого века. Я выбросил эту ахинею из головы и сосредоточился на задании, про которое успел подзабыть, пока прикидывал, как выпутаться. Итак, нам было известно о винном подряде для водопроводной станции, и это все. Нет, еще диковинный жест Папаша перед уходом. Мелочь, но я уловил в нем верность некоему древнему таинству. Спросите в нашем ведомстве, чем славится Псаев, и вам перед расстрелом ответят, что он отличается редким нюхом на разнообразные духовные практики.

Не видя другого выхода, я обратился к молитве.

Молитве пытливой, смиренно-требовательной и ревностно-безумной в покорности Святоотечеству, меня обучал начальник Духовного Отдела отец Жомов-Пещерников. Молитва летела стрелой, хранимая незримым коконом и неподвластная ни местному Гестапо, ни самому Файерволлу. Она вознаграждалась доказательными откровениями, которых не признавало ни римское право, ни вообще какая-либо юриспруденция, но это не умаляло их убедительности и практической пользы.

И мне открылось по вере моей.

3

Музыкальная пытка началась через полчаса. Оказалось, что тюрьма не такая уж отсталая. Звук хлынул отовсюду – с потолка, пола, из двери, стен, толчка и моего ложа. Но этого мало: все это начало еще и показывать фильм. Я ненавидел его. По разным обстоятельствам мне довелось посмотреть его ровно семнадцать раз, и каждое мгновение аукалось тошнотой. Слишком частая блокировка не одобрялась Файерволлом. А музыка не имела никакого отношения ни к фильму, ни к чему-либо вообще. Это было ритмичное забивание гвоздя на волнах электронной дефекации. Жомов-Пещерников подробно рассказывал о сходстве этих мелодий с толчкообразным любострастием и утверждал, что разрушительное действие оных возможно вылечить лишь колокольным звоном.

Я сосредоточился на струившемся молитвенном откровении.

Его содержанием, собственно говоря, и был знакомый лик отца Жомова-Пещерникова. Капеллан отличался скромностью и на облаке не восседал, но все же распространял золотое свечение. Он был в домашнем наряде: лоснившиеся спортивные брюки, черная футболка с багровым начертанием на церковнославянском языке и простые шлепанцы «ни шагу назад». Объемный телом, он был двумерен лицом, как это принято в иконописи. Глаза смотрели с веселым и строгим сочувствием; борода за время моего отсутствия подросла и разделилась надвое. Жомов-Пещерников сцепил руки на животе и нетерпеливо вращал большими пальцами.

«Думай, Псаев, – настоял он. – Как называется контора?»

«Прецессия»!

«Правильно, сын мой, – кивнул капеллан. – Что есть прецессия?»

«Наклон земной оси при замедлении вращения», – ответил я.

«Истинно так. Смещение небесных тел знаменует прощание с Христовой эрой Рыб и наступление эпохи Водолея. О чем же ты подумаешь дальше?»

«Водолей!» Водопроводная станция. Как это я не сообразил?

«Очень хорошо, – одобрительно кивнул лик. – И следующим пунктом?..»

«Вино!» Вода и вино. Все лежало на поверхности! Это было не простое вино.

«Отче! – взмолился я. – Могу ли я передать через тебя Евгению Султановичу, чтобы он проверил всех сотрудников Водоканала и взял на заметку недавно устроившихся?»

«Не можешь, сын мой, – изрек Жомов-Пещерников. – Это все-таки не телеграф. Но я утешу тебя: руководство уже занимается этим без твоих подсказок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.